СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XX, № 3.

О СЛАВЯНСКИХЪ РЕДАКЦІЯХЪ
ОДНОГО АПОЛОГА
ВАРЛААМА И ІОАСАФА.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1879.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1879 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

О СЛАВЯНСКИХЪ РЕДАКЦІЯХЪ ОДНОГО АПОЛОГА ВАРЛААМА И ІОАСАФА.

Академика А. Н. Веселовскаго.

Въ «Повѣсти къ Василію игумену о бѣлоризцѣ» Кириллъ Туровскій своеобразно пересказалъ одинъ изъ апологовъ Варлаама и Іоасафа. Изслѣдуя источники видоизмѣненій, которымъ подверглась, въ передачѣ Кирилла Туровскаго, древняя назидательная повѣсть, М. И. Сухомлиновъ [1]) указалъ на цѣль, руководившую пересказчикомъ: показать значеніе монашеской жизни; сообразно съ нею надо было распространить аллегорическое толкованіе аполога, которое и мотивировалось измѣненіями въ его повѣствовательномъ содержаніи. Но откуда взялись эти отмѣны? М. И. Сухомлиновъ предполагаетъ, что онѣ могли произойти подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія. Предположеніе весьма вѣроятное, но поднимающее въ свою очередь вопросъ: гдѣ состоялся своеобразный пересказъ варлаамовой притчи, послужившей учительнымъ цѣлямъ Кирилла?

Одна возможность такого вопроса даетъ нѣкоторое значеніе особымъ пересказамъ другого варлаамова аполога, встрѣчающимся въ древнеславянской писменности. Сопоставленные вмѣ-

---

[1]) М. Сухомлиновъ, О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Спб. 1858, стр. 49—53.

стѣ однородные литературные факты освѣщаются взаимно. облегчая рѣшеніе.

Содержаніе аполога слѣдующее: [1])

Подобни быти мню мужеви бѣгающю ѿ лица инорога, иже не терпѧ гласа его и страшнаго его прерикания, но крѣпко бѣгаше, да не будетъ ему въ снѣдь. Внегда же течааше быстро, в великую нѣкую впаде пропасть. Внегда-же впастисѧ ему в ню, и за древо нѣкое похитивсѧ, крѣпко держашесѧ и на россосѣ нѣкоеи нозѣ оутвердивъ, мнѧше прочее в мирѣ быти и въ твердыни. Възрѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши, бѣлоуоу бо едину, другую же черну, погрызающи-же непрестанно древа еже ѡнъ бѧше похитилсѧ; и елико оуже в малѣ приближающемасѧ има сие искоренити, посмотривже во дно пропасти и видѣ змия страшна видѣньемь и ѡгнемь дышуща и ꙗро изъвѣр(г)ующасѧ, оустаже страшно разиноваше пожрети его грѧдуща. Възрѣвже пакы на степень онъ, на немже бѣаше нозѣ свои оутвердилъ, видѣ .д҃. главы аспидовы ѡтъ стѣны изъникъша, на неиже стояше; и възрѣвъ ѡчима видѣ ѡтъ вѣтви древа оного мало меда каплюща. Ѿставивъ оубо пещисѧ о одержащихъ его бѣдахъ, како внѣоуду оубо инорогъ лютѣ неистовасѧ ищетъ снѣсти его, долу же горкии змии зияетъ пожрети его, древо же за неже бѣ сѧ оухитилъ елико же в малѣ искоренитисѧ хотѧше, нозѣ же на полъсцѣ и невѣрнѣ степени оутвердилъ бѣаше: и толикихъ и та(ко)выхъ золъ забывъ оустремисѧ къ сласти малаго меду ѡнаго.—Се есть подобное прельсти мира сего прелщающихсѧ, его же сказанье нынѣ реку ти. Инорогъ оубо ѡбразъ есть смерти гонѧща оубо постигнути грѧдущи адамескыи родъ. Пропасть же — миръ исполнь сыи всѧчьскихъ золъ и смертоносныхъ сѣтии. Древо же [его же] ѡтъ двою мышю непрестанно подгрызаемое, его же оухитивше держимсѧ, времѧ есть коегождо жизни, съкращаваемо и скончаваемо днемъ и нощью и къ посѣченью по малѣ приближаетсѧ. .д҃. же аспиды, иже ѡтъ четырь прелестныхъ стихии

[1]) Я сообщаю его по рукописи Новгородской Софійской библіотеки, нынѣ СПБ. Дух. Академіи № 1365, XIV в., л. 53 об. — 54 об.

ссгавъ, ссгавленье человѣчьскаго телесе назнаменуетъ, имже бесчинно носимомъ и матущимсѧ телесное разрушаетсѧ сставленье. И к симже ѡгнеобразныи онъ и неистовыи змии страшную проѡбражаетъ адову оутробу, жадающюю прияти мира сего красная паче будущихъ благъ извольшии. Медовная же каплѧ сладость являетъ мира сего сладкыхъ, ими же то прелщая своя други не ѡставляетъ ихъ ѡ своемъ пещисѧ спасеньи.

Первый изъ слѣдующихъ далѣе пересказовъ этой притчи указанъ былъ г. Кирпичниковымъ [1]) въ Толстовской рукописи № 214, XV вѣка, и приведенъ мною въ болѣе подробномъ извлеченіи въ статьѣ: Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ [2]). Здѣсь онъ предлагается по сборнику XV в. Кирилло-Бѣлозерской библіотеки, нынѣ Спб. Дух. Академіи № $\frac{22}{1099}$. л. 107 ab. — Второй пересказъ того-же аполога заимствованъ изъ Сербско-славянской рецензіи Александріи.

1. Притча Варлаама ко Іоасафоу.

Чл҃къ нѣкто хо́дѧ на полѣ чт҃ѣ и҆ ви́дѣ и҆доуща к себѣ лю́та звѣрѧ и҆ лва҇ и не и҆мы҇ гдѐ скрытисѧ ѿ звѣ́рѧ того. и҆ потече по полю, и҆ ви́дѣ ровъ глоубокъ, ѡ҆ ни́же споустисѧ в ровъ то́и. и҆ бѣ в ровѣ то҇ древа два҇. є҆ди́но сребрено листвїе и҆мѣѧ. а҆ дроугое злато. и҆ летѣвь паде на сребренѣ древѣ, и҆ оухватисѧ за вѣтвїе, и҆ сѣде на немь. и҆ возрѣ го́рѣ, и҆ ви́дѣ лю́та лва҇, надо рво҇ стоꙗ҆щ̇а. сѣдѧщоу же є҆моу на древѣ томь. и҆ прилѣташе к немоу голоубица. приношаше є҆моу смокви въ оустѣхъ свои҇. ѡ҆ нже прїимаꙗ ꙗ҆дѧше, и҆ плачасѧ горко. и҆ прилѣташе к немоу вранъ, носѧ въ оустѣхъ свои҇ оушїе горѧща. и҆ жабы. и҆ ꙗ҆щерица. и҆ всѧкоу скверноу и҆ меташе нань. ѡ҆ нже почюдисѧ велми. и҆ позрѣ к коренїю древоу томоу. и҆ видѣ двѣ҇ мышы грызоуща корень дре- (f. 107 b.) ва того є҆дина бѣла, а҆ дроуга черна. ѡ҆ нже ви́дѣвь ꙗ҆ко оуже нѣ҇ є҆моу и҆схода ѿ рова того. но всего того не оубоꙗ҆сѧ

---

[1]) А. Кирпичниковъ, Греческіе романы въ новой литературѣ. — Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ, 1876.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. Іюль, стр. 132—3.

и҆ нача торгати сребреное древо. и҆ класти в нѣдра своа. и҆ помысли въ срⷣци своѐмь. да бы еще палъ на златое древо. і҆ а҆біе паде, не оухватиса за него. и҆ паде въ злыа ѡ҆ны скорпіа.

А҆ се и҆столковано стымь Павломь. люты҃ звѣрь е҆сть немощь и҆ старость чл҃ча. а҆ левъ смрть. а҆ ровъ е҆сть сѣть діавола. а҆ древо сребреное стажаніе и҆ домъ батыхъ. а҆ мыши двѣ҃ е҆сть бѣлаꙗ днь. а҆ чернаꙗ нощь; грызуще вѣкъ члвчь. а҆ горлица приносаи смокви агглъ гнь приноса добраꙗ помышленіа. а҆ вранъ приноса оуглїе е҆сть діаволъ, разжигаꙗ срⷣце члкомь на злато и҆ сребро. и҆ на вса злаꙗ дѣла. в томь погибаю҆ть мнози члвци.

Сообщенная нами притча сама заявляетъ себя Варлаамовской; она, дѣйствительно, воспроизводитъ ея общія черты и основную символику, но съ отличіями, источники которыхъ любопытно было бы выяснить. Принадлежатъ-ли они христіанскому иносказанію, видоизмѣнившему очертанія повѣсти въ цѣляхъ болѣе полнаго учительнаго примѣненія? Или-же нѣкоторыя изъ этихъ отличій слѣдуетъ возвести къ тѣмъ разнорѣчіямъ восточнаго аполога, однимъ изъ отраженій котораго является притча Варлаама?[1]) Въ пересказѣ Калилы и Димны (Knatchbull p. 80) инорогъ Варлаама замѣненъ слономъ, у Іоанна Капуанскаго — львомъ [2]), какъ и въ славянской статьѣ, замѣнившей образъ меда — символомъ голу-

---

[1]) Къ многочисленнымъ пересказамъ фабулы объ инорогѣ я могу присоединить, благодаря любезному сообщенію акад. Шифнера, еще слѣдующій тибетскій (изъ тибет. соч. Po-to-ba: Ученіе посредствомъ примѣровъ): Въ южномъ Kham есть высокій отвѣсный утесъ и глубокая пропасть; на утесѣ былъ медъ и росли плоды, въ пропасти — водоворотъ. На скалу взобрался человѣкъ, цѣпляясь за пучекъ травы и утвердившись ногами на ворохѣ травы. Пока онъ съ удовольствіемъ поѣдалъ медъ и плоды, вышли бѣлая и черная мыши, и погрызя травы, удалились; оттого травы стало меньше, такъ что не на чемъ было держаться руками и ногами, и тотъ человѣкъ, не находя опоры, полетѣлъ въ бездну.

Утесъ — круговращеніе (жизни?), тѣло — опора, подобно вороху травы; пока человѣкъ вкушаетъ отъ меда пяти наслажденій, день и ночь — бѣлая и черныя мыши — уничтожаютъ ворохъ; когда онъ придетъ къ концу, вмѣстѣ съ жизнью, человѣкъ, при всемъ своемъ желаніи, не достигнетъ блаженства спасенія, а низвергнется въ круговоротъ перерожденій въ трехъ низшихъ сферахъ бытія.

[2]) Benfey, Pantschatantra I p. 80.

бя, приносящаго смоквы. Противопоставленіе голубю — ворона принадлежитъ, вѣроятно, христіанской передѣлкѣ: они и толкуются, какъ ангелъ и дьяволъ; но образъ ворона, бросающаго горящіе угли, напоминаетъ рамку 3-й книги Панчатантры. Въ одной буддійской аведанѣ [1]) разсказывается о человѣкѣ, который, убѣгая отъ слона, спасается въ высохшій колодезь; слѣдуютъ далѣе тѣже подробности, что и въ апологѣ Варлаама: дерево, подгрызаемое мышами, драконъ, пчелы, источающія въ уста бѣглеца пять капель меду; дерево заколыхалось, остатокъ меда упалъ на землю, пчелы принялись жалить человѣка, и внезапно появившійся огонь истребилъ дерево. Огонь толкуется, какъ старость и немощь. — Можетъ быть, угли, бросаемые ворономъ въ славянской притчѣ, обусловлены символикой какого-нибудь восточнаго аполога?

Дальнѣйшія измѣненія въ славянской притчѣ вызваны отчасти механически предъидущими. Такъ какъ символъ меда, которымъ увлекается человѣкъ, не взирая на окружающую его опасность, забытъ и замѣненъ другимъ символомъ (голубь — ангелъ и смоковь), специальное значеніе котораго не дозволяло такого-же примѣненія, то увлеченіе человѣка перенесено на другой предметъ: на серебреное дерево, листья котораго онъ принимается обрывать. Слѣдующая за тѣмъ развязка лежала уже въ планѣ назидательной повѣсти: окруженный страхами смерти человѣкъ тѣмъ не менѣе отдается стяжанію и погибаетъ, стремясь къ большему.

2. Въ нѣкоторыхъ восточныхъ пересказахъ варлаамовскаго аполога ровъ, колодезь и т. п. забыты: Человѣкъ спасается отъ преслѣдованія дикаго звѣря, взлѣзая на дерево [2]). Такъ въ одномъ разсказѣ у Dubois: странникъ, заблудившійся ночью въ лѣсу, взбирается на дерево отъ страха дикихъ звѣрей и засыпаетъ. Проснувшись утромъ онъ видитъ внизу тигра, его сторожащаго,

---

[1]) Les Avadânas, contes et apologues indiens. trad. par Stanislas Julien I, № XXXII.

[2]) Benfey. I. 80—2.

хочетъ перелѣзть на другое дерево, но замѣчаетъ надъ своей головою спящую змѣю, которую могъ разбудить малѣйшій шорохъ. Отъ ужаса онъ чуть не свалился, когда капли меда, сочившіяся съ верхнихъ вѣтвей, остановили его вниманіе; глотая ихъ онъ забылся.

Такого рода пересказъ аполога знакомъ былъ редактору славяно-сербской Александріи. Когда Александръ приблизился къ землѣ марсидонской царицы Клеопилы-Кандакіи, сынъ ея, Кандавкъ, услышавъ о томъ, оставивъ свое царство, убѣжалъ съ женою своею и съ имѣніемъ къ матери. На пути на него нападаетъ силурскій царь Евагридъ, отнимаетъ у него жену и имѣніе, а Кандавкъ, спасшійся съ 100 конниками, взятъ въ плѣнъ стражами Александра. Александръ велитъ Антіоху занять его мѣсто на престолѣ и допросить Кандавка.

«А̓нтїохже вопроси Кандовкоуса гл҃ѧ. ѿкоудоу бѣжа нн҃ѣ, в роуцѣ мои впаде. ре҄ Кандовкоусъ, ѿ страха твое̓го бѣжа^х^. к мт҃ри моеи црц҃и кан҃акѣи. мастри^до^н(с)кы е̓вагри҃же силоу(р)ски црь воста на мѧ и̓ разби мѧ и̓ все̏ мое и̓мѣнїе взе^м^. и̓ жéноу и̓ дщерь. а̓зже е̓динъ оутеко^х^ на твои стражи набѣго^х^, ѡ̓ни^ж^ мѧ оухватиша. и̓ к тебѣ приведоша. на мнѣ сверши҃ притча нѣко̓его зло̀часна чл҃ка. и^ж^ ѿ лва бѣгаѩ на дрéво оутеко^х^ высóко. и̓ край дрéва нозѣ свои оутверди^в^ ѿ страха лвова ѡ̓ себѣ печаливсѧ, на верхъ древа поглѧдавъ, выше себе змїѧ вéлика ви́дѣ. хотѧща его поглотити. и̓ в недоумѣнїи бы҃ [1]).

Въ славяно-сербскихъ текстахъ Александріи, напечатанныхъ Ягичемъ [2]) и Новаковичемъ [3]), притча эта развита такимъ образомъ:

И на мнѣ сьврьши се дьньсь злочестаго нѣкоюго чловѣка прит҄че, иже отъ льва бѣгаѥ на нѣко дрѣво оутече, и краи кзера

[1]) По ркп. Кир. Бѣл. нынѣ Спб. Дух. Академіи № 11/1088, XV в., л. 152 b.—153 a.

[2]) Jagić, Żiwot Aleksandra Velikoga, Starine III (1871) стр. 301.

[3]) Новаковић, Приповетка о Александру Великом. У Београду 1878, стр. 112. Текстъ сообщается по изданію Новаковича.

стоіаше дрѣво оно, и на расохахь дрѣва того оумѣсти се оть страха львова обезпечаливь се; на врьхь же дрѣва того погледавь, змиіа великааго оугледа кь нкмоу лезешта, и вь недооумѣник вьпадь, и вь кзеро скочите хоте, коркодила зиіаюшта вь кзере томь видѣ, и хотеше кго погльноути, и вь недооумѣник вьпадь, вьсплакавь се рече: злочестимь вьса злаа прилоучаютьсе! И се рекь вь кзеро скочи, рѣкь: болше ми кстьоть коркодила вь кдинь часьпогльноутоу быти, негли оть лютаго льва горко изеденоу бити. Такъ и мнѣ прилоучисе, Александре. Оть страха бо твокго бѣже, в [1]) твок роуки оудрихь се.

Сличеніе этихъ двухъ текстовъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) подлинникъ текста Новаковича — Ягича могъ быть древнѣе Кирилло-Бѣлозерскаго. Сл. Кир. Бѣл.: Краи древа нозѣ свои оутвердив; Нов. Ягичъ: на расохахь дрѣва того, сл. притчу объ инорогѣ въ Варлаамѣ и Іоасафѣ Кирилло-Бѣлозерской ркп. (Спб. Дух. Ак. № 1365): на россосѣ нѣкоеи нозѣ оутвердивъ (См. Miclosich, Lex. расоха).—2) развитіе притчи у Новак.-Ягича принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшей рукѣ и содержаніе Кир.-Бѣлоз. рецензіи древнѣе: она противополагаетъ опасность отъ змѣя опасности, грозящей отъ льва; третья (крокодилъ въ озерѣ) является совершенно лишнею; двойное употребленіе фразы: и вь недоумѣник вьпадь не есть-ли указаніе на позднее приращеніе?

Наблюденіе надъ однимъ апологомъ не достаточно для опредѣленія отношеній, въ которыхъ находятся тексты славяно-сербской Александріи, изданные Ягичемъ и Новаковичемъ, къ Кир.-Бѣлоз. списку $\frac{11}{1088}$, одному изъ древнѣйшихъ, сохранившихъ эту редакцію памятника. Ягичу этотъ списокъ былъ извѣстенъ лишь по извлеченіямъ у А. Попова (Обзоръ хронографовъ русской редакціи, выпускъ первый, стр. 120—121); отрывки, приведенные въ книгѣ А. Попова, побудили къ заключенію, что они «s našimi rukopisi ne slažu, nego su u nas puno na obširnije

[1]) Новаковичъ: отъ твок роуки; Ягичъ: в руке твое.

pripovedana» (Jagič l. c. p. 213). Новаковичъ (l. c. стр. IX—X) развиваетъ далѣе это указаніе Ягича: «По тим истим местима судећи ја бих рекао, да ни ту није различна од ове редакција, већ да је овај текст у том рукопису скраћиван и прерађиван. По томе се види, колико би вредно било познати га». Такое знакомство было-бы желательно, еслибъ въ результатѣ его и оказалось, что краткій текстъ не есть, по необходимости, сокращенный.